

УДК 821.161.1–3“18–19”

СТАНЧЕВСКАЯ Т. С.

СИНТЕЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАЧАЛ В ПОВЕСТИ ЛИДИИ ЧАРСКОЙ «ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ»

В данной статье рассмотрена жанровая специфика повести Лидии Чарской «Записки институтки». Проанализированы характерные особенности документальной и художественной литературы, которые соединяются в тексте, порождая сложное, многоплановое произведение.

Ключевые слова: повесть, документалистика, записки, дневник, мемуары.

Творчество Лидии Чарской (Лидии Алексеевны Чуриловой) представляет собой одно из наиболее ярких явлений русской литературы начала XX века. Чрезвычайно популярная у своих современников, писательница, тем не менее, десятилетиями оставалась в тени литературы социалистического реализма. Среди писателей начала XX столетия ее проза отличалась безыскусной простотой, всесторонним изображением мира детей и подростков, девушек и замужних женщин, чем Л. Чарская и заслужила верность многочисленных поклонников. Повесть «Записки институтки» (1902) стала первой в так называемом «Джаваховском» цикле, представленном произведениями «Княжна Джаваха» (1903), «Люда Влассовская» (1904), «Вторая Нина» (1909), «Джаваховское гнездо» (1912).

В советском литературоведении сложилось неоднозначное, необъективное отношение к творчеству Л. Чарской. К. Чуковский иронизировал: «Если какой-нибудь Дюркгейм захочет написать философский трактат «О пошлости», рекомендую ему сорок томов сочинений Лидии Чарской» [11]. В. Шкловский осмеивал верность читателей Л. Чарской, называя этот феномен «паршивым бессмертием» [12]. В конце 1920-х годов на произведения Л. Чарской был наложен запрет, книги были изъяты из библиотек.

В конце XX века изучение творчества писательницы возобновилось (работы Н. Агафоновой [1], И. Казаковой [5], С. Коваленко [6], В. Приходько [8], Е. Щегловой [13]). Критики и историки литературы конца XX – начала XXI века, заново прочитав произведения Л. Чарской, стремятся сформировать более объективное мнение о ее творчестве. Однако полное и целостное осмысление феномена Л. Чарской еще впереди. На сегодня отсутствуют исследования, в которых рассматривались бы вопросы жанрового своеобразия отдельных произведений писательницы, в частности «Джаваховского» цикла. Этим обусловлена актуальность нашей работы.

Целью нашей статьи является исследование природы жанрового синтеза в повести Л. Чарской «Записки институтки».

В теоретико-литературном аспекте жанровый синтез понимается как «художественный синтез жанровых форм, особое соединение, сочетание конкретных признаков различных жанров, образующих в единстве новый тип формы, более глубокую жанровую сущность»; такой синтез «создает качественно иное целое, чем сумму составляющих его элементов: характеризуется художественной слитностью, органичностью целого, развитым состоянием последнего» [2, 3].

Для понимания основы жанрового синтеза в повести «Записки институтки» важно проследить взаимодействие в ней элементов документальной и художественной прозы. Принципиальную разницу между этими двумя типами литературы четко сформулировала Л. Гинзбург: «Литература вымысла черпает свой материал из действительности, поглощая ее художественной структурой, фактическая достоверность изображаемого, в частности... из личного опыта писателя, становится эстетически безразличной... Документальная же литература живет открытой соотнесенностью и борьбой этих двух начал» [3, 9]. Следует отметить, что слияние двух начал в повести Л. Чарской привело к созданию целостного произведения, эстетически завершенного. Жанровый синтез был воспринят читателям как органичный.

Л. Чарская опиралась на уже сформированную к концу XIX века традицию написания воспоминаний о жизни институток, начатую еще 1810-х годах русскими мемуаристками: Г. Ржевской в «Памятных записках», Е. Водовозовой – «На заре жизни», Т. Морозовой – «В институте благородных девиц». Мемуары повествуют о нравах, обычаях институтов благородных девиц, при этом авторы, работая над личным жизнеописанием, иллюстрируют его документальными фактами. В наше время растет интерес к мемуарной прозе как значимому явлению документалистики. Так, например, исследованию институтских воспоминаний посвящены работы А. Белоусова, особенный интерес представляет его статья «Институтки» [4], предшествующая изданию мемуаров воспитанниц институтов благородных девиц.

Л. Чарская создала «Записки институтки» на основе институтских дневников, заметок. Документальная основа повести подчеркнута посвящением: «Моим дорогим подругам, бывшим воспитанницам Павловского института выпуска 1893 года, этот скромный труд посвящаю» [10]. Оно позволяет читателю установить определенные временные рамки, соотнося содержание повести с последним десятилетием XIX века, а также очертить место действия – Павловский институт благородных девиц в Санкт-Петербурге.

Руководствуясь заглавием произведения Л. Чарской, следует выделить жанр записок как неотъемлемую составляющую художественного единства. По определению, данному в «Энциклопедии литературных терминов», записки – это «...жанр, связанный с размышлениями о пережитом и подразумевающий выражение личного отношения автора или рассказчика к описываемому» [7, 276]. Повести присущи периодичность записей, интимные, искренние, исповедальные интонации, что сближает ее также с жанром дневников. Дневниковый характер записей в повести Л. Чарской выражается в свойственной для данного вида документальной литературы «обрывчатости» письма, создании записей под сильным впечатлением от

событий, которые только что произошли, вследствие чего текст получается достаточно эмоциональным, драматичным. На мемуарную природу повести указывает факт повествования от первого лица, когда автор непосредственно соотносит себя с героем произведения. Образ Люды Влассовской можно сопоставить с личностью Лидии Чарской: в выборе созвучного имени (Люда – Лидия), общественном положении (сироты: Люда потеряла отца, Чарская – мать).

Документалистику иногда называют «литературой факта». Действительно, фактографичность – важная ее составляющая. Повесть «Записки институтки» является благодарным материалом для культурно-исторического анализа. В ней представлено яркое и правдоподобное описание традиций института благородных девиц, явления, без которых был бы невозможен быт институток, нравы и характеры воспитанниц. О культуроведческом, познавательном значении повести свидетельствуют детальные описания интерьера, одежды воспитанниц и воспитателей, режима питания, досуга воспитанниц, особенностей церковных служб, социальной стратификации институток. В целом, эти описания складываются в единую художественную систему изображения нравов и обычаев институтов благородных девиц. Поэтому повесть Л. Чарской дает обширный материал для исследования педагогам, историкам, лингвистам, литературоведам.

Со скрупулезной точностью выписан интерьер института, начиная от комнаты княгини-начальницы («Небольшая, прекрасно обставленная мягкой мебелью, вся застланная коврами комната» [10]). Эти картины свидетельствуют о дворянской роскоши в помещении начальницы, которая противопоставляется спартанскому быту воспитанниц: «Большая длинная комната с четырьмя рядами кроватей – дортуар – освещалась двумя газовыми рожками» [10].

День институтки был расписан по часам. Строгий порядок проступал в каждом элементе режима. Л. Чарская описывает обычное утро воспитанниц: после звонка, «торопясь и перегоняя друг друга, девочки бежали умываться к

целому ряду медных кранов у стены» [10], куда подавалась холодная вода. После расчесывания, к 8 часам девочки строились попарно, чтобы идти на завтрак в сопровождении классной дамы. Течение жизни в стенах закрытого учебного заведения характеризовалось свободой действий во время, отведенное между уроками. Девочки распоряжались свободной минутой по собственному усмотрению и вдали от глаз наставниц предавались детским, девичьим забавам.

Одежда указывала на возрастную принадлежность: Л. Чарская упоминает скромный и аккуратный костюм младшей ученицы («зеленое камлотовое платье с белым передником», «пелеринка», «манжи», то есть нарукавники). Институтская стратификация отображалась не только в вербальных обращениях и номинации персон, но была представлена и внешне, с помощью соответствующей одежды: ученицы разных классов носили платья разного цвета, классные дамы одевались в синее. В «Записках институтки» отображены особенности этикета закрытого учебного заведения. Согласно укоренившемуся правилу, девочки обращались к княгине-начальнице – *Maman*, начальница и девочки к классным дамам – *Mademoiselle*, девочки между собой – *mesdames*, девочки к мужчинам-преподавателям – *monsieur*. Французские обращения воссоздают в повести дух европейского образования.

Институтская иерархия представляет особый интерес. Стремление к четкой системе и порядку требовала отличительных званий каждого участника учебного процесса. Неофициально они именовались так: «синявки» – классные дамы, «сеньмушки» – младшие воспитанницы, «первоклассницы» – старшие воспитанницы, «Сливками» или «парфетками» назывались лучшие ученицы, записанные за отличие на красной доске; «мовешками» – худшие по поведению. Как строжайшее наказание применялось лишение лучших учениц отличительных знаков (особых шнурков в волосах). Провинившихся заставляли «стоять в столовой без передника» [10].

В процессе обучения в Павловском институте использовалась двенадцатибалльная система оценивания, при этом высшим достижением считалось получить 12 баллов. Л. Чарская говорит о предметах: французском и немецком языке, чистописании и рисовании, Законе Божьем, а также танцах, которые заменяли физкультуру. Обычай, описанный Л. Чарской, – «обожание» младшими старших, документально зафиксирован в мемуарах Анны Энгельгардт «Очерки институтской жизни былого времени», где писательница называет его «глупым ...невинным обычаем» [4, 163], который, тем не менее, в повести «Записки институтки» изображен с проникновенностью и характеризует восприимчивость воспитанниц.

В «Записках институтки» фактографичность, детальные описания быта ориентируют читателя на правдивость происшедших событий. Однако Л. Чарская переосмыслила формы и стереотипы описания воспитанниц, их замкнутого мира, образа жизни, сложившиеся в мемуаристике. В повести соединяются реальность факта и богатство литературных возможностей его отражения. Колоритная среда обитания воспитанниц Павловского института благородных девиц дополняется индивидуальным авторским мнением и оценками.

Проанализировав повесть «Записки институтки» Л. Чарской, можно говорить о принадлежности ее к художественно-документальной прозе, где, по словам Т. Симоновой, «... наблюдается сложное, многообразное взаимодействие противоположных возможностей отражения жизненного процесса. Реальность находит свое подтверждение в подлинности привлекаемых источников, при этом вступает в свои права характерная для «вымышленной» литературы типизация, возводящая отдельное частное до общего, симптоматичного, и художественная обработка исходного материала, посредством которой жизненная основа приобретает эстетическое отражение» [9, 8]. Такие черты, как субъективная оценка фактов, типизация характеров, эстетический характер материала, ориентация на вымысел,

авторская оценка происшедшего, ставят «Записки институтки» Л. Чарской в ряд художественных произведений.

Композиция повести дополняется такими внесюжетными элементами, как сны и лирические отступления. Психологизм повествованию придают многочисленные исповеди подруг, доверительные, сокровенные разговоры между девочками. Документальная основа расширена диалогами и монологами персонажей, в которых явно звучит голос самого автора. Л. Чарская время от времени прибегает к художественному домыслу, например, эпизод прихода императора в комнату Люды Влассовской, что иллюстрировало всеобщую любовь монарха к подданным, отеческую заботу об институтках.

Сентиментальная патетика в «Записках институтки» соединяется с явным морализаторством. Так, например, честные, стойкие девочки, которые под суровым взглядом княгини-начальницы не выдают сторожа, купившего для них сладости, награждены всеобщим восторгом и похвалами. Порядочной воспитаннице, Люде Влассовской, на исповеди не дает покоя мысль, что она бросалась хлебными шариками в подружек – принцип сентиментального нравоучения подчеркивает художественный характер произведения. В сюжет повести вплетается изображение религиозных переживаний – это дань писательницы нравам эпохи и обычаям институтов благородных девиц: «Боже великий и милосердный! Прости меня, прости маленькую грешную девочку» [10] – подобные психологические детали свидетельствуют об элементах сентиментальной поэтики, поэтизации детской чувствительности.

Субъективизм повести, выраженная авторская оценка событий свидетельствуют о развитом художественном начале в повести Л. Чарской «Записки институтки». Эффект достоверности, свойственный документальной литературе, дополнен эффектом психологического правдоподобия, который базируется на эстетических принципах (типизация, пафос сентиментальности, дидактичность). Все это говорит о

художественной завершенности произведения, где органически соединяются элементы «литературы факта» и беллетристики.

Таким образом, «Записки институтки» Л. Чарской представляют собой редкое явление среди произведений русской литературы начала XX века. Повесть, которая выдержала многочисленные нападки критиков, тем не менее, является художественным достоянием эпохи. В ней Л. Чарская органично соединила элементы художественного вымысла и документалистики. Она вводит в повесть элементы записок, дневника, мемуаров. Эти формы дают возможность писательнице изложить собственную позицию, субъективную оценку явлений, очерчивая круг волнующих ее проблем. Автор обличает недостатки системы воспитания в Павловском институте как не соответствующей запросам времени. Как известно, в конце XIX века женское образование должно было трансформироваться под влиянием идей эмансипации.

Вместе с тем, элементы художественного вымысла и домысла способствуют психологической достоверности содержания «Записок институтки», типизации характеров воспитанниц. Повесть отмечена изрядной долей мелодраматизма, сентиментального пафоса. Во-первых, это помогает глубже раскрыть внутренний мир институтки – наивного, инфантильного создания. Во-вторых, повышенная эмоциональность изложения реабилитирует чувствительность как положительное качество девушки, связанное со способностью откликаться на чужие беды, с добротой сердца и тонкостью чувств. Дальнейшее изучение повести Л. Чарской «Записки институтки» предполагает рассмотрение этого произведения в контексте институтской прозы рубежа XIX–XX веков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонова Н. С. Проза А. Вербицкой и Л. Чарской как явление массовой литературы : дис. на соискание научн. степени канд. филол. наук : спец. 10.01.01 [Электронный ресурс] / Н. С. Агафонова. —

Иваново : РГБ, 2006. — 153 с. — Режим доступа :
<http://publ.lib.ru/ARCHIVES/A/>

[AGAFONOVA_Natal'ya_Sergeevna/_Agafonova_N._S..html#01](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/A/AGAFONOVA_Natal'ya_Sergeevna/_Agafonova_N._S..html#01).

2. Гапоненков А. А. Проблема жанрового синтеза в романах «Бесы» Ф. М. Достоевского и «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова : автореф. дис. на соискание научн. степени канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / А. А. Гапоненков. — Саратов : СГУ, 1995. — 18 с.
3. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. — Л. : Худ. л-ра, 1977. — 412 с.
4. Институтки : Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. текста и коммент. В. М. Боковой и Л. Г. Сахаровой, вступ. статья А. Ф. Белоусова. — Изд. 3-е. — М. : Новое лит. обозрение, 2005. — 576 с.
5. Казакова И. Лидия Чарская // Русские писатели : Биобиблиографический словарь / И. Казакова под редакцией ; П. А. Николаева. — М. : Просвещение, 1990. — Том 2. М—Я. — С. 366—367.
6. Коваленко С. Феномен Лидии Чарской [Электронный ресурс] / С. Коваленко // Чарская Л. Записки институтки. — М. : Республика, 1993. — С. 372—379 — Режим доступа : http://az.lib.ru/c/charskaja_l_a/text_0080.shtml. — Загл. с экрана.
7. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. — М. : НПК «Интелвак», 2001. — 1600 стб.
8. Приходько В. Воскрешение Чарской [Электронный ресурс]. / В. Приходько // Дошкольное воспитание. — 1990. — № 2. — Режим доступа : <http://www.diary.ru/~charskaya/p67782223.htm>.
9. Симонова Т. Г. Мемуарная проза русских писателей XX века : поэтика и типология жанра: [учеб. пос.] / Т. Г. Симонова. — Гродно : ГрГУ, 2002. — 119 с.
10. Чарская Л. А. Записки институтки / Л. А. Чарская ; сост. и послесл. С. А. Коваленко. — М. : Республика, 1993. — 383 с.

11. Чуковский К. И. Лидия Чарская [Электронный ресурс] // Собр. соч. : в 6 т. / Корней Чуковский. — М. : Худ. литература, 1969. — Т. 6. — Режим доступа : <http://www.bibliogid.ru/readers/sutdela/chukichar>.
12. Шкловский В. О пище богов и о Чарской [Электронный ресурс] / В. Шкловский // Литературная газета. — 1932. — 5 апреля. — Режим доступа : <http://www.diary.ru/~charskaya/p69432706.htm#more1>.
13. Щеглова Е. Возвращение Лидии Чарской / Е. Щеглова // Нева. — 1993. — № 8. — С. 268—276.

СТАНЧЕВСЬКА Т. С.

СИНТЕЗ ДОКУМЕНТАЛЬНИХ І ХУДОЖНІХ РИС В ПОВІСТІ ЛІДІЇ ЧАРСЬКОЇ «ЗАПИСКИ ІНСТИТУТКИ»

У статті розглянута жанрова специфіка повісті Лідії Чарської «Записки інститутки». Проаналізовані характерні особливості документальної та художньої літератури, які поєднуються в тексті, породжуючи складний, багатоплановий твір.

Ключові слова: повість, документалістика, записки, щоденник, мемуари.

STANCHEVSKAYA T.

SYNTHESIS OF DOCUMENTARY AND FICTION TRAITS IN THE STORY OF LYDIA CHARSKAYA «NOTES OF INSTITUTKA»

The article examines a genre specific of Lydia Charskaya's story «Notes of institutka». It was analyzed the traits of documentary literature and fiction that were combined in the text, to form the complex, multi-faceted work.

Key words: story, documentary literature, notes, diary, memoirs.

Стаття надійшла до редколегії 1.10.2013 р.